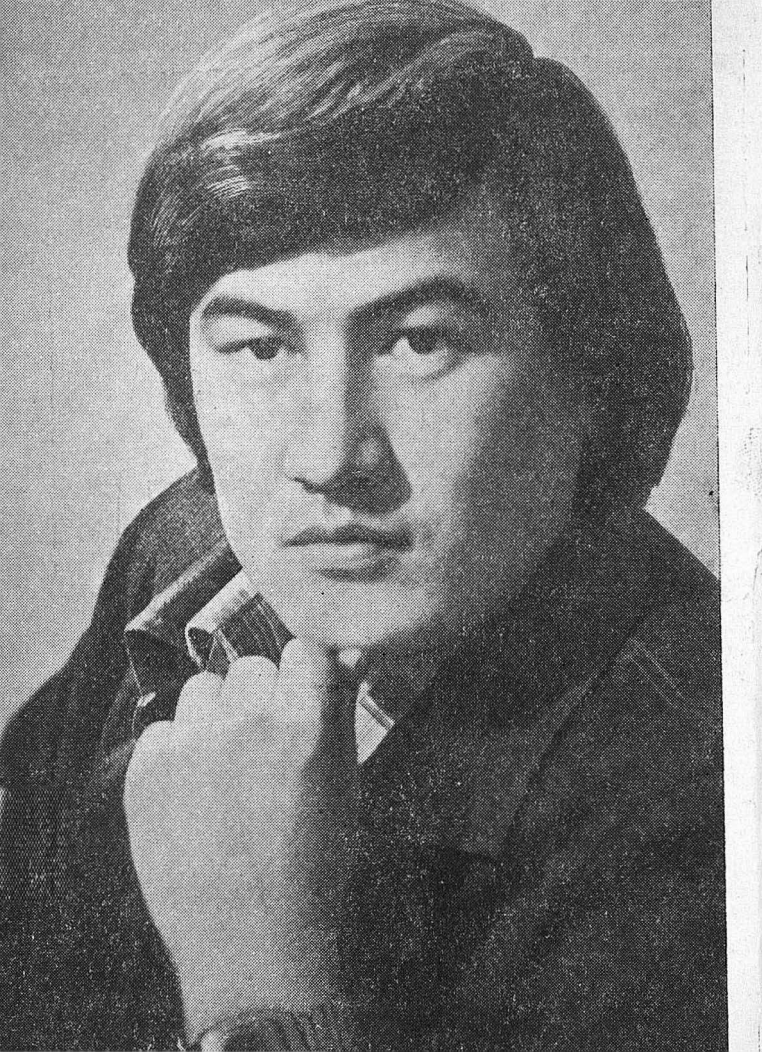

Г 2008

351 к

Бахытжан
Канапьянов
ЧУВСТВО
МИРА

Бахытжан
Канапьянов
ЧУВСТВО
МИРА

КНИГА СТИХОВ

«ЖАЗУШЫ»
Алма-Ата—1982

Канапьянов Бахытжан.

К 19 Чувство мира: Книга стихов.— Алма-Ата: Жазушы, 1982.—96 с.

«Чувство мира» — третий сборник молодого поэта. В основу многих стихотворений легли впечатления от поездок по нашей родине и за рубеж. По мысли поэта человек должен обладать обостренным чувством бытия, сегодняшнего дня, улавливать пульс времени, глубоко переживать чужую боль и страдания.

Рецензенты: В. Антонов, член СП СССР, А. Жовтис, член СП СССР, доктор филол. наук.

Р 2

К $\frac{70402-204}{402(05)82}$ 197—82 4702010200

© «Жазушы», 1982

* * *

*...не просто высота Памира,
не Эверест и не Парнас,
а то, что возвышает нас
Земное чувство — чувство мира!*

Столигный
ветер

И пустынному миру
опять в эту ночь
преподносит

Большая Медведица
ковш
пустоты.

И не верится здесь,
что где-то гудят океаны.
Мираж — не мираж,
но все здесь скорбит о воде.
И встречают тебя
заунывною песней барханы:
«Ты вышел в пустыню,
а где,
где вода твоя,
где?..»

II

Я — мираб!
Я озера бездонные выплесну,
и мертвые земли
воскрешу я
живою водой.
Великую жажду
с тобою сумели
мы вынести!..
Одиноким кустом саксаула
вновь, пустыня,
встаешь
предо мной.

Пробудись и воспрянь,
будущий край
плодородия.

Я — мираб.
Я — богат.
Все моря у меня за спиной.

Ты пустыней была,
будь рисовым полем
для родины...

Вспыхнет радуга жизни
над звонкой твоею
водой!..

ПАНФИЛОВЕЦ

Скачи за горизонт,
мустанг!
В глуши пустынь
ты одичаешь.
Табунщик твой
уже встречает
С гранатою
фашистский танк.
И вспыхнет взрыв
в его глазах.
От горя ты ослепнешь,
лошадь...
Курантами помянет Площадь:
Жизнь отдал за Москву казах!

РОССИЯ

Плачет небо над лесом России —
Будто слышу я песнь ямщика.
И — духовные чувствую силы
Неродного мне языка.

И лицом и душой неспокоен,
Я степью бреду наугад...
Тяжким гулом
Белых колоколен
Рождается в сердце набат.

На Волге
    иль где-то в Сибири,
Или, может, в райцентре глухом
Перехватит дыхание гром —
Размахом,
    простором
    и ширью!

И сердце покоя не хочет,
На мгновение сердце умрет,
И как только гром
    прогрохочет,
Белым словом в груди оживет.

В белом слове утка ныряет,
В белом слове дятел стучит...
Потом это все умирает
И с новой силой звучит.

И дальше, и дальше, и дальше,
Все ближе, все ближе — ко мне;
Так радость в ночи обозначит
Свет родины в каждом окне.

Дождь,
Туман над полями,
Дорога, ведущая в лес...
Это все было — веками,
Будет — все это,
Все это — есть.

КЮЙШИ

Родной степи мелодия слышна.
Заслушалась ночная тишина.
И аулчане не перебивают.
Искусство — что поется для души.
Мои казахи слушают кюйши.
Семь поколений в душах оживают.

* * *

В наискось
отброшенную тень
вечер манит
уходящий день...

Ночь.
Млечная
клубящаяся россыпь.
Там месяц канет,
год,
за веком век.
А ты все ищешь,
ищешь, человек,
ответы на вопросы
и — вопросы.

* * *

В далеком доме плачет мать моя.
И вижу слезы сквозь пространство я.

Необъяснимый в сердце моем страх,
не просыхают слезы на щеках.

— Мама, мама, что за стук и тень в окне?

— Это ветер, это ветер в тишине.

А время мчится, время мчится вспять:
Склонились надо мной отец и мать.

И в детстве том, покуда не подрос,
был у меня всегда один вопрос:

— Мама, папа, кто стучит, чья тень в окне?

— Это ветер, это ветер в тишине.

Как на себя взглянуть со стороны —
Черты отца во мне отражены.

За гробом шел, не понимал в тот миг,
что я отца ушедшего двойник.

— Мама, мама, это папа там в окне?
— Спи, сынок мой, это ветер в тишине.

И снова плачет, плачет мать моя,
и сквозь пространство вижу слезы я.

Умираю и рождаюсь в этом сне:
вновь пуповину перекусили мне.

— Бабушка, я слышу чей-то стук.
— Это ветер, это ветер, внук.

ЗЕМНАЯ БАЛЛАДА О КОСМОСЕ

Чингизу Айтматову

Где эта станция?

Где эта станция? —

— Там.

Как зовется она?

«Тюре-Там» — говоришь?

«Тюре-Там».

И солнцем палима

и пламенем

мощных ракет

земля,

что на карте

в желтый

окрашена цвет.

Где эта станция?

Где эта станция? —

— Там.

«Тюре-Там» по-степному

зовется она.

«Тюре-Там».

...Вот летчиков группа

в тени на перроне стоит,

и степная листва

над ними слегка шелестит.

Посмотрит старушка

и тут же забудет про них,

идет вдоль вагонов,

и звонкий

доносится крик:

— Бир сом одна дынька!—

Людские мешая слова,

прячет смятые деньги

в цветистые рукава.

Она

видит ночами

пылающий в небе костер,

она

внука не пустит

за дальний

запретный бугор.

Узнаёт
лишь наавтра
о том,
что случилось вчера:
в полнеба,
в полнеба
след
космического
костра.

Где эта станция?

Где эта станция? —

— Там.

«Тюре-Там» — говоришь?

«Тюре-Там» — говорю.

«Тюре-Там».

Поезд тронется,
степь
проплывает
с обеих сторон.
Быть может,
в купе
кто-то скажет:
— Вон там космодром!
Как обыденно все,
ни ферм не видать,
ни ракет,
лишь локатора ухо,
да тревожный
на завтра
рассвет.

Да «УАЗик» пылит,
скрывшись
за безымянным холмом...
Ты взгляни, лейтенант,
ты вернешься,
ты вспомнишь о том,
что здесь эта станция,
здесь эта станция,
здесь.
И взлетает орел
над тобою —
— как добрая весть!

РАПАНА

В Салониках,
среди шумного порта,
где волнами обласканы камни,
седой повстречался грек —
и рапаны показывал.
В рапанах музыка жила,
по чашам перламутровым разлита.
— Послушайте Марину! — грек сказал.
И я, закрыв глаза, Марину слушал.
Из тех глубин,
что видеть не дано,
музыка на берег выходила.
Крики чаек, голоса дельфинов
перемешал мифический прибор.

Так ионийцам подпевал Эгей.

Я, очарован, слушал их мотивы.
Держа в руках банкноты, грек седой,
не пряча глаз,
благодарил улыбкой.

ШТОРМ

Спокойно было до полудня.
Парили чайки над кормой.
В морской пустыне
наше судно
белело над голубизной.
И вдруг заволновалось море,
И потемнела толща вод.
И началось!..
И вскоре-вскоре
наш закачало теплоход.
Штормило море. Восемь баллов.
Не унимался ураган.
По радио вдруг прозвучало:
— В концерте прозвучит орган.
Там, на суше дальней,
кто-то
играл токкату,
и она,
словно позывные порта,
была в тот день передана.

Гремел орган!..

И, оглушая,
взъяренные громады волн,
нас поднимая,
опуская,

ему

ревели

в унисон.

Приветствую тебя,

стихия!

Перемешала,

взяв в полон
и моря волны штормовые,
и музыку радиоволн.

Затишье утром.

Берег дальний
на горизонте в дымке тлел.
И в репродукторе печально
о чем-то женский голос пел.

СОЛЬ

Обычай вспомнил моряков
в каком-то споре-разговоре.
И первый сборничек стихов,
вложив в бутылку,
бросил в море!

Я не знаю —
найдут или нет,
и вынесет ли на берег.
Может,
в водах ей быть сотню лет,
во что
невозможно поверить.

Мне ошибки в стихах не видны.
Пусть же
солью страницы промочит
набегающий гребень волны,
и промоет все то —
между строчек.

Я — поэт,
я развею свой прах!
Век недолгий
мне чайка пророчит.
И, как звезды в грядущие ночи,
проступает
соль жизни
в стихах!

СИБИРСКАЯ ЗАРИСОВКА

В расклешенной юбке,
В курточке из лайки,
Комсомолка БАМа,

Как похожа ты
На далекий образ
Комиссарши Ляльки,
Ночью проверявшей
В Питере посты.

* * *

Во дворе соседи говорят:
«Три окна в квартире не горят!»

Ночью на балкон я выхожу.
Окна той квартиры нахожу.

Грусть-тоска берет меня опять.
Почему? — не знаю. Не понять.

Ведь и дом — не дом, покуда в нем
Чья-то жизнь не светится огнем.

Я и жизни собственной не рад,
Если в доме окна не горят!..

Вспыхнул как-то ночью по весне
В первом свет и во втором окне.

Вот и в третьем загорелся он...
Женщина выходит на балкон!

* * *

Не зная племени, не зная рёда,
Основ не зная языка.

Ребенок плачет, нет ребенку года,
И в плаче тайная тоска.

Он высказать пока еще не может
Обиду или просьбу — не поймешь.

И это все он в будущее вложит
И рассечет — на правду и на ложь.

РОДНОЙ ОЧАГ

Родной очаг,
за все прости меня!
За то,
что
о корнях я забываю.
Все получил
от твоего огня
и ничего
в ответ
не возвращаю.

В степь ухожу,
там на исходе дня

своих семь предков
я не называю.
И ничего
почти
о них не знаю.
И в сумерках
спешу
на храп коня.

Здесь мой аул,
могила здесь отца.
Начало — здесь.
И нет ему конца.
И этот путь
продолжен будет мной:
встречать людей,
стихи дарить,
и — жить!
Судьбой
народу своему служить.
Благословляет степь:
— Иди, сын мой!

* * *

Я чую подземные воды,
дыхание жизни сквозь мрак.
Земля, твои добрые всходы,
земной твоей вечности знак.

есть в каждом живом проявлении
природы.

И я, человек,
в ней высшая форма творенья.
Пространство души моей — век.

СКАЗКА

Слушай,
маленький принц,
ухожу я вслед за тобою.
А горячего нет
на дальний такой перелет.
Мировой океан
людской сотрясается болью.
Война в этом мире,
война в этом мире идет.

Слушай,
маленький принц,
явись ты надеждою к людям,
как однажды пришел
в мертвой пустыне ко мне.
Пусть услышат они,
что шепчут сейчас мои губы
на самой последней,
самой жестокой войне:

— Раскованны будьте детством,
раскованны будьте сердцем,